

УДК 378.4

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-105-111

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ АРГУМЕНТОВ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОКУРОРА В ПРЕНИЯХ)

Т. Ф. Волкова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Рассмотрены софизмы в судебной речи одного из томских прокуроров. Значимость исследования определяется сопряжением проблем эффективности современной судебной речи, обозначением ее места в структуре судебного процесса с лингвоперсоналогическими категориями.

Цель – оценить уместность использования софизмов в речевой практике современного томского прокурора.

Материал и методы. Материалом явились устные записи выступлений томского прокурора, адвоката и подсудимого, сделанные в ходе одного судебного процесса. Объем материала составляет около 11,5 тыс. словоупотреблений: речь прокурора в прениях – 7 287 словоупотреблений, реплика прокурора в прениях – 2 053 словоупотребления, речь адвоката в прениях – 925 словоупотреблений, речь подсудимого в прениях – 1 244 словоупотребления. Объект анализа – речевая деятельность языковой личности – томского прокурора (женщина, 38 лет). Метод – наблюдение, научное описание, дискурсивный анализ.

Результаты и обсуждение. Описываются различные виды софизмов, отмеченные в речах прокурора: подмена тезиса, произвольные доводы, доводы к человеку и т. д. Использование софизмов является частью традиций современной судебной практики, начало которой положено еще в XIX в. Отмечается, что в случае использования манипулятивных доводов наиболее ярко проявляется черта речевого портрета говорящего: субъективная оценочность и эмоциональность.

Заключение. Таким образом, выбранная стратегия, предполагающая наличие софизмов, доказала свою ситуативную эффективность, поскольку, вероятно, стала одним из факторов, повлиявших на решение суда, подержавшего обвинение. Однако рекомендовано исключить из публичных судебных речей доводы к личностным качествам как основанию оценки.

Ключевые слова: *судебная риторика, софизм, языковая личность, эффективность.*

Введение

Актуальность проблем, поднятых в данной статье, определяется возрастающим интересом к функционированию современной судебной системы, определению роли в ней судебного оратора, трансформации образа прокурора и адвоката по сравнению в традициями классического судебного красноречия. Известны описания образцов, на которые надо равняться (например, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако [1–3]), но нет комплексных описаний современных судебных ораторов как конкретных языковых личностей [4].

Публичная сфера общения предполагает использование эффективных коммуникативных стратегий, которые реализуются в речевой деятельности публичных языковых личностей [5]. М. В. Гаврилова отмечает, что риторический речевой портрет публичной личности, особенно в сфере политики, обязательно включает приемы манипулятивного характера [6]. Стоит оговорить вопрос об их уместности в судебной риторике.

При характеристике индивидуальных стилей А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако [1–3] исследователи не выделили манипулятивных способов, тогда как В. В. Виноградов в качестве основной особенности речей В. Д. Спасовича указывал именно манипулятивные приемы [7].

Особенности инструментария современной судебной риторики достаточно подробно описаны [8–14]. Одной из важных особенностей речи в прениях является наличие в ее структуре коммуникативного жанра публичного спора. «Целью спора может быть установление истины или одержание победы. Спор между процессуальными противниками в судебных прениях ведется по поводу оценки одних и тех же обстоятельств дела, об утверждении собственных оценок и об опровержении оценок противной стороны. Это основной признак полемики, которая понимается как борьба принципиально противоположных мнений, ведущаяся с целью опровергнуть точку зрения противной стороны и доказать правильность своей позиции» [8]. Существует как конструктивная, так и конфликтная (деструктивная) стратегии спора [15]. Конфликтная деструктивная стратегия предполагает только победу, соответственно, и средства выбираются разнообразные. Спекулятивное использование риторических аргументов, особенно оценочных, является весьма распространенной практикой. Т. В. Анисимова утверждает, что в судебной риторике недопустим аргумент «доводы к человеку», т. е. «апелляция к качествам утверждающего как основанию оценки утверждения» [15, с. 146]. «Наиболее часто встречается в современной ора-

торской практике подмена объективной оценки субъективным опорочиванием» [15, с. 152]. Квалификация других манипулятивных приемов (софизмов) [15, с. 147] включает «диверсии против тезиса», т. е. его сужение, расширение, «перевод вопроса на точку зрения вреда или пользы» и «диверсии против аргументов», т. е. замаливание фактов, «чтение в сердцах», «женская логика или ложная дилемма», «навязанное следствие», «ложное обобщение», «ложная аналогия» [15, с. 148–152].

Целью настоящей работы является попытка оценить уместность использования софизмов в речевой практике современного прокурора.

Материал и методы

Объект анализа – речевая деятельность языковой личности – томского прокурора, женщины, 38 лет. Метод – наблюдение, научное описание, дискурсивный анализ.

Материалом явились устные записи выступлений томского прокурора, адвоката и подсудимого, сделанные в ходе одного судебного процесса. Объем материала составляет около 11,5 тыс. словоупотреблений: речь прокурора в прениях – 7 287 словоупотреблений, реплика прокурора в прениях – 2 053 словоупотребления, речь адвоката в прениях – 925 словоупотреблений, речь подсудимого в прениях – 1 244 словоупотребления.

Результаты и обсуждение

Логические и риторические аргументы в речи томского прокурора в прениях были проанализированы автором статьи ранее [16].

Обнаружено, что в речи в прениях преобладают риторические аргументы над логическими. Собственно манипулятивные приемы сосредоточены в той части судебной полемики, которая именуется репликой. Для подтверждения этого постулата были выделены основные тезисы, которые доказывались и оценивались в ходе прений. Для иллюстрации произведено сравнение аргументов, зафиксированных в выступлениях прокурора (речь в прениях и реплика), а также указана позиция адвоката и частично подсудимого (речь в прениях и реплика). С учетом того, что речевая деятельность адвоката (женщина, 58 лет) не анализировалась, его позиция передавалась описательно.

1. Подсудимый менял показания существенно. Мнение стороны защиты и подсудимого: не менял показания. Реплика прокурора: *«Лишь при предъявлении окончательного обвинения К. дал показания, в целом схожие с судебными. Но и здесь нельзя не заметить разночтений, которые касаются причины, по которой К. облил сына жидкостью, места, куда попало горючее, последовательности действий по тушению пожара»*. *«Это утвержде-*

ние (о неизменных показаниях) не выдерживает критики». Софизм – «самоуверенный тон как спекуляция оценкой», так как прокурор даже не хочет продолжать спор на данную тему.

2. Причины изменения показаний подсудимым выглядят смешными. Подсудимый говорил, что устал, когда читал протокол, читал не все протоколы. *«Это неправда»*. Не мог устать, так как *«никому об этом не сказал ранее, к тому же имел возможность отдохнуть»*. Мнение стороны защиты и подсудимого: устал по объективным причинам, отдыхать не мог. Реплика прокурора: *«Подсудимый стремится уйти от ответственности»*. Согласно речам в прениях, подсудимый говорил, что плохое зрение мешало точно увидеть положение потерпевшего. Реплика прокурора: *«Утверждение о последовательности и отсутствии существенных противоречий в показаниях подсудимого, объяснение разночтений в показаниях плохим зрением не выдерживает критики»*. Софизмы: «самоуверенный тон как спекуляция оценкой», «чтение в сердцах», «произвольный довод». Прокурор заменяет понятие «противоречие» на «разночтения», при этом были ли другие причины считать показания верными, не ясно, все выражение приобретает иронический оттенок, слово «неправда» абсолютно оценочно.

3. Подсудимый преувеличил свои положительные качества и выставил в дурном свете потерпевшего. В этом ему помогла жена, предоставив личную переписку потерпевшего («инициировав» предоставление). Мнение стороны защиты и подсудимого: его положительные качества подтверждены многочисленными свидетелями и характеристиками, а потерпевшего отец характеризует объективно, указывая как на положительные, так и на отрицательные качества. Реплика прокурора: *«О жене подсудимого никто никогда не говорил»*. Софизмы: «доводы к человеку» как искажение личных характеристик, «уничижительный тон» в отношении действий жены, навешивание ярлыков: «в дурном свете», «преувеличил свои положительные качества», «инициировав предоставление личной переписки».

4. Положительные характеристики имеют значение только для сопоставления с характеристиками потерпевшего. Мнение стороны защиты и подсудимого: положительные характеристики – это самостоятельный аргумент. Реплика прокурора: *«Подсудимый использует свои положительные характеристики как аргумент»*. Софизмы: «уничижительный тон», так как прокурор иронизирует по поводу желания сказать о себе нечто хорошее, «ложная аналогия» – положительные характеристики подсудимого и потерпевшего не должны сравниваться.

5. Все свидетели показали, что был конфликт в течение долгого времени. Потерпевший *«даже*

ушел из дома», в том числе из-за жены подсудимого, его вынудили «уйти из дома незадолго до смерти». Мнение стороны защиты и подсудимого: все свидетели показали, что конфликта не было, потерпевший уходил из дома, когда хотел, жена не имеет отношения к делу, характеризуется положительно. Реплика прокурора: «Была неприязнь, уже доказано». Он ушел из дома. Все свидетели об этом говорят. Те, кто говорит обратное, плохо знакомы с ситуацией, например, «знала поверхностно» – о близком друге семьи, «не проживала в семье» – о родной тете. Только одна родственница, представитель потерпевшего, говорит правду, так как «причин считать ее показания ложью не установлено», хотя тоже не жила с семьей. О жене подсудимого «речь не шла в судебном заседании». Софизмы: «женская логика»: правда только в том, что конфликт был, из дома ушел, свидетели говорят об этом, «замалчивание невыгодных фактов» (осведомленности или неосведомленности), «расширение тезиса» – все так говорят.

6. Покупка наркотиков потерпевшим не подтверждена, значит, не употреблял. Собственным словам потерпевшего «нельзя верить, так как обычно люди про это не рассказывают». Мнение стороны защиты и подсудимого: все свидетели показали про прием наркотиков потерпевшим, но никто не видел факта употребления. Потерпевший сам говорил, что употребляет наркотики. Реплика прокурора: «Нет подтверждения покупки наркотиков». «Указывал на свои ощущения, но ни слова не говорил о приобретении, наименовании наркотиков, а надо было». Софизмы: «произвольный довод», «чтение в сердцах»: собственным словам потерпевшего нельзя верить, так как обычно люди про это не рассказывают.

7. Прием алкоголя не подтвержден официально. В момент события, по словам свидетелей, выпил мало. Мнение стороны защиты и подсудимого: все свидетели показали про прием алкоголя потерпевшим, все видели, что он злоупотреблял, в момент события, по словам свидетелей, выпил много. Реплика прокурора: «Хотя подсудимый в суде и сообщил о том, что на поминках А. (потерпевший) употребил значительное количество спиртного, однако на следствии он (подсудимый) в этой части дал другие показания (о том, что А., как и сам подсудимый, употребил только 3–4 рюмки водки)». Софизмы: «женская логика»: для потерпевшего 3–4 рюмки мало, для подсудимого это в дальнейшем квалифицировано все равно как много.

8. Показания медиков и соседей согласуются. Мнение стороны защиты и подсудимого: показания медиков и соседей не согласуются во времени, образе действия потерпевшего, описании места, срока действия наркотических обезболивающих,

способности говорить у потерпевшего. Реплика прокурора: «Показания медиков и соседей согласуются». «Незначительные противоречия убедительно объяснены, например, время года события». Софизм: «замалчивание невыгодных фактов»: более значительные противоречия, нежели время года, не комментируются.

9. Потерпевший в состоянии алкогольного опьянения после вдыхания токсического вещества и в последующем тяжелого ожогового шока под действием обезболивающих наркотических мог адекватно разговаривать, по мнению врачей. Мнение стороны защиты и подсудимого: потерпевший в состоянии алкогольного опьянения после вдыхания токсического вещества и в последующем тяжелого ожогового шока под действием обезболивающих наркотических не мог адекватно разговаривать, подсудимый не мог слышать разговор медиков и врачей, отрицал передачу сведений об этом третьим лицам и не знал, мог ли говорить потерпевший. Реплика прокурора: «Таким образом, из приведенных доказательств видно, что непосредственно после происшествия потерпевший, который сохранял возможность самостоятельно передвигаться и говорить, сообщил о его поджоге отцом. – К. Не отрицал данное обстоятельство и сам подсудимый, сообщив об этом двум лицам (эксперту и оперуполномоченному)». Софизмы: «подмена тезиса», так как какое «данное» обстоятельство – неясно. Очевидно, речь вот об этом обстоятельстве: сообщил о его поджоге отцом. Второе более значимое, напрямую связано с доказательством вины, поэтому акцент прокурор смещает именно на него.

10. Самоподжог невозможен, так как на первых допросах про это не говорил подсудимый. Потерпевший в шутку поджигал себя ранее. Такие действия, по мнению экспертов, нельзя назвать суицидом. К тому же эксперты хорошо изучили личную переписку потерпевшего. Мнение стороны защиты и подсудимого: самоподжог возможен, так как потерпевший имел психическое заболевание, неуравновешенный характер, много пил, пребывал в депрессии, совершал попытки суицида. Эксперты плохо изучили личную переписку. Экспертиза имеет существенные содержательные недостатки. Реплика прокурора: «Экспертиза потерпевшего сделана без нарушений УПК», значит, хорошая экспертиза. Софизмы: «произвольный довод», «замалчивание невыгодных фактов», «доводы к человеку». Факт невозможности самоподжога вызывает сомнения, неубедительно доказан, в большей степени эмоционально оценен. Выглядит как личное мнение прокурора, не верящего, что люди могут себя поджигать, в том числе данный человек.

11. Планы на будущее не характерны для суицидальной личности. Мнение стороны защиты и подсудимого: планы на будущее рушились. У потерпевшего было недостаточно воли, чтобы осуществлять планы. Реплика прокурора: *«Такие мысли не характерны для человека, желающего уйти из жизни»*. Софизмы: «доводы к человеку», «ложный довод». Наличие или отсутствие планов на будущее в речи у суицидально настроенной личности не может являться доказательством без ссылок на соответствующие исследования, тем более на личное мнение прокурора.

12. Мотив преступления – неприязнь между «антагонистами». Мнение стороны защиты и подсудимого: не было неприязни, значит, не было мотива, отец любил потерпевшего, заботился. Реплика прокурора: *«Эти сведения, повторяю, на мой взгляд, дают однозначный ответ о мотиве, толкнувшем подсудимого на преступление»*. Потерпевший *«перебивался подачками от отца»*. *«Что удивительного в том, что демонстративное поведение отпрыска не устраивало отца, так любящего свои правила?»* Софизмы: «навешивание ярлыков» (антагонисты), «самоуверенный тон» (однозначно), «ложный довод» (перебивался подачками), «чтение в сердцах», «доводы к человеку» (ничего удивительного, отец любил некие правила).

13. Умысел – облил, чтобы помочь осуществить суицидальный замысел, это *«реакция подсудимого на угрозы покончить с собой»*. Мнение стороны защиты и подсудимого: умысла не было, напротив, оказывал помощь, облил, чтобы встал с дивана, от злости, про суицид речи не было в ситуации, оказывал помощь потерпевшему и малолетним детям при пожаре. Реплика прокурора: *«Умысел есть, уже доказано. По этому вопросу я достаточно подробно высказывалась ранее»*. *«Под действием захлестнувших эмоций подсудимый взял канистру и чиркнул спичкой. Мол, хотел умирать, получи!»*. *«Наличие прямого умысла на причинение смерти потерпевшему сомнений не вызывает»*. Софизмы: «самоуверенный тон» (уже доказано), «ложный довод» о наличии умысла, «чтение в сердцах» и «доводы к человеку» (какие именно эмоции присутствовали в момент совершения преступления, прокурору хорошо известны и понятны).

14. Судебно-медицинская экспертиза была, так как есть протокол. Мнение стороны защиты и подсудимого: судебно-медицинской экспертизы не было, так как подсудимый никогда не видел эксперта. Реплика прокурора: *«Судебно-медицинская экспертиза была, так как есть протокол»*. Софизм: «ложный довод», наличие протокола не является гарантией существования процесса.

15. Экспертиза подсудимого говорит о его склонности в алкогольном опьянении вести себя

агрессивно, накапливая отрицательные эмоции. Мнение стороны защиты и подсудимого: экспертиза имеет существенные содержательные недостатки, сделаны необоснованные выводы, непонятна методика, поэтому агрессивность надумана. Реплика прокурора: *«Экспертиза потерпевшего сделана без нарушений УПК»*, значит, хорошая экспертиза. Софизмы: «произвольный довод», экспертиза имеет содержательные недостатки, не получившие оценки в реплике прокурора.

Неосторожные действия подсудимого при пользовании зажигалкой опровергаются экспертизой, так как эксперт имеет образование, хорошо объяснил все для суда. Мнение стороны защиты и подсудимого: неосторожные действия подсудимого не опровергаются экспертизой, так как эксперт имеет образование, но допустил грубые ошибки в расчетах, заключение безграмотное, необоснованное, сведений недостаточно, хорошо объяснил для суда только то, что подсудимый в очаге возгорания тоже должен был обгореть. При возгорании, по словам эксперта, человек обычно предпринимает действия по своему спасению, а потерпевший этого не сделал. Реплика прокурора: *«Пожаро-техническая экспертиза не носит вероятностный характер, так как есть заключения, пояснения эксперта. Хотя ряд параметров точно не установлен, сведения эксперт имел»*. «К тому же эксперт не говорил, что подсудимый в очаге возгорания тоже должен был обгореть». Софизм: «ложный довод» (пояснения эксперта не отменяют нарушений в процессе ее осуществления), «подмена тезиса» (не ясно, говорил или не говорил эксперт об обгорании подсудимого).

Обобщим и выделим наиболее типичные для данной языковой личности софизмы, или некорректные манипулятивные приемы ведения коммуникативного спора. Преобладают варианты спекулятивного использования оценочных риторических приемов: «самоуверенный тон», «доводы к человеку», «уничижительный тон», «навешивание ярлыков». Затем следуют различные приемы искажения аргументов: «чтение в сердцах», «произвольный довод», «ложный довод», «замалчивание фактов». Реже встречаются «ложная аналогия» и «женская логика». Встречены немногочисленные случаи искажения тезиса: «сужение-расширение тезиса», «подмена тезиса». На данном этапе сложно оценить, является ли приверженность к манипулятивным приемам индивидуальной особенностью оратора либо это типично для современного судебного процесса. Известно, что использование софизмов было частью традиций судебной практики, начало которой положено еще в XIX в. [7, 17]. Но роль судебного оратора, очевидно, должна трансформироваться, по сравнению с традициями клас-

сического судебного красноречия. Например, в речевой практике одного из современных томских адвокатов спекулятивные способы ведения дискуссии не фиксируются [4]. Можно предположить, что значительную роль играют индивидуальные особенности говорящего. Так, в случае использования манипулятивных доводов наиболее ярко проявились такие черты речевого портрета прокурора, как субъективизм, повышенная эмоциональность, желание показать себя отличным психологом.

Заключение

Каждый оратор как профессиональная языковая личность имеет свой арсенал эффективных и малоэффективных способов организации дискуссии.

Чем больше появляется возможностей ознакомиться с конкретным профессиональным опытом у других юристов, в том числе начинающих свой профессиональный путь, тем больше шансов пополнить свой коммуникативный арсенал наиболее эффективными стратегиями управления вниманием аудитории в лице участников судебного процесса [18, 19]. Выявленная в ходе данного исследования стратегия, допускающая наличие софизмов (замалчивание фактов, произвольность доводов и др.), ситуативно оказалась эффективной, поскольку, вероятно, стала одним из факторов, повлиявших на решение суда. Однако рекомендуем исключить из публичных выступлений доводы к личностным качествам как основанию оценки.

Список литературы

1. Пиринова Н. В. Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф. Н. Плевако: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006. 24 с.
2. Баишева З. В. Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007. 47 с.
3. Артёмова Т. В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А. Ф. Кони: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
4. Волкова Т. Ф. Речевая деятельность современного судебного оратора (на материале выступлений в прениях) // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. Т. 444. С. 38–46
5. Волкова Т. Ф. Теоретические и прикладные аспекты изучения публичной языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. С. 60–63.
6. Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации: учеб. пособие для студентов вузов. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры. 2008. 92 с.
7. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. Т. 5. 360 с.
8. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия. М.: Юристъ, 2007. 464 с.
9. Отургашева Н. В. Судебная риторика: учебное пособие для дистанционного обучения и самостоятельной работы студентов. Новосибирск: СибАГС, 2006. 152 с.
10. Землякова Н. В., Гарбовская Н. Б. Аргументация в судебной риторике // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 101–105.
11. Федулова М. А. Судебная риторика как составная часть ораторского искусства // Вестник Московского гос. гуманитарно-ун-та им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 81–85.
12. Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юрайт, 2016. 395 с.
13. Мельников И. И., Мельников И. И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам. М.: «ИКФ «ЭКМОС», 2003. 160 с.
14. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.
15. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика: учебное пособие. М.: Московский психолого-соц. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. 432 с.
16. Волкова Т. Ф., Демидова Т. А., Гриценко Л. М. Риторический речевой портрет публичной языковой личности: эффективность логической и психологической стороны аргументации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та (научный журнал КубГАУ). Изд-во Кубанского гос. аграрного ун-та. 2017. № 132. С. 592–604.
17. Климович О. В. Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С. А. Андриевского и Н. П. Карабчевского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 20 с.
18. Кубиц Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 19 с.
19. Ипатова И. С. Языковая личность юриста: вчера, сегодня, завтра // Государство и право в изменяющемся мире: материалы науч.-практ. конф. Н. Новгород, 5 марта 2016 г. Н. Новгород: РГУП, 2016. С. 952–962.

Волкова Татьяна Фёдоровна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).
E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

Материал поступил в редакцию 06.08.2021

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-105-111

FUNCTIONING OF MANIPULATIVE ARGUMENTS IN JUDICIAL SPEECH (BASED ON THE MATERIAL OF THE PROSECUTOR'S SPEECHES IN THE DEBATE)

T. F. Volkova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The article considers the role of sophisms in the judicial speech of one of the Tomsk prosecutors. The significance of the research is determined by the combination of the problems of the effectiveness of modern judicial speech, the designation of its place in the structure of the judicial process with linguistic and phonological categories.

The *purpose* is to assess the relevance of the use of sophisms in the speech practice of the modern Tomsk prosecutor. The object of the analysis is the speech activity of a linguistic personality—the prosecutor of Tomsk, a woman, 38 years old.

Material and methods. The following methods were used: observation, scientific description, discursive analysis. The material was oral recordings of speeches of the Tomsk prosecutor, lawyer and the defendant, made during one trial. The volume of the material is about 11.5 words.

Results and discussion. The article describes various types of sophisms noted in the speeches of the prosecutor: substitution of the thesis, false arguments, arbitrary arguments, arguments against a person, etc. It is found that rhetorical arguments prevail over logical arguments in the speech in the debate. Actually, manipulative techniques are concentrated in that part of the judicial controversy, which is called a replica. To confirm this postulate, the main theses were highlighted, which were proved and evaluated during the debate. Variants of speculative use of evaluative rhetorical techniques prevail. Less common are “false analogy” and “female logic”. There are few cases of distortion of the thesis: “narrowing-expansion of the thesis”, “substitution of the thesis”. At this stage, it is difficult to assess whether the commitment to manipulative techniques is an individual feature of the speaker, or it is typical for a modern judicial process. The use of sophisms is part of the traditions of modern judicial practice, which began in the nineteenth century. It is noted that in the case of using manipulative arguments, the feature of the speaker’s speech portrait is most clearly manifested: subjective assessment and emotionality.

Conclusion. We can say that the chosen strategy, assuming the presence of sophisms, proved its situational effectiveness, since it probably became one of the factors that influenced the decision of the court that supported the prosecution. Each speaker, as a professional language personality, has his own arsenal of effective and ineffective ways of organizing a discussion, it is necessary to replenish his communicative arsenal with the most effective management strategies that influenced the court’s decision.

Keywords: *judicial rhetoric, sophism, linguistic personality, efficiency.*

References

1. Pirinova N. V. *Kognitivnaya obuslovlennost' i stilevoye svoyeobraziye sudebnykh rechey F. N. Plevako. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Cognitive conditionality and the stylistic peculiarity of the judicial speeches of F. N. Plevako. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Taganrog, 2006. 24 p. (in Russian).
2. Baisheva Z. V. *Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A. F. Koni. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Language personality of the judicial orator A. F. Koni. Abstract of thesis doct. of philol. sci.]. Ufa, 2007. 47 p. (in Russian).
3. Artyomova T. V. *Narrativ kak component ritoricheskoy strategii obvinitel'nykh rechey A. F. Koni. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Narrative as a component of the rhetorical strategy of A. F. Coney’s accusatory speeches. Abstract of thesis of cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2008. 23 p. (in Russian).
4. Volkova T. F. *Rechevaya deyatel'nost' sovremennogo sudebnogo oratora (na materiale vystupleniy v preniyakh)* [Speech activity of a modern judicial speaker (based on the material of speeches in debates)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 444, pp. 38–46 (in Russian).
5. Volkova T. F. *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya publichnoy yazykovoy lichnosti* [Theoretical and applied aspects of the study of the public language personality]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2008, no.1, pp. 60–63 (in Russian).
6. Gavrilova M. V. *Metody i metodiki issledovaniya politicheskoy kommunikatsii: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov* [Methods and methods of research of political communication: A textbook for university students]. Saint Petersburg, Nevsky Institute of Language and Culture Publ., 2008. 92 p. (in Russian).
7. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy. Izbrannye trudy. T. 5* [About the language of literary prose. Selected works. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (in Russian).
8. Ivakina N. N. *Osnovy sudebnogo krasnorechiya* [Foundations of forensic eloquence]. Moscow, Yurist Publ., 2007. 464 p. (in Russian).

9. Oturgasheva N. V. *Sudebnaya ritorika: uchebnoye posobiye dlya distantsionnogo obucheniya i samostoyatel'noy raboty studentov* [Judicial rhetoric: a textbook for distance learning and independent work of students]. Novosibirsk, SibAGS Publ., 2006. 152 p. (in Russian).
10. Zemlyakova N. V., Garbovskaya N. B. *Argumentatsiya v sudebnoy ritorike* [The reasoning in the judicial rhetoric]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2017, no. 6, pp. 101–105 (in Russian).
11. Fedulova M. A. *Sudebnaya ritorika kak sostavnaya chast' oratorskogo iskusstva* [Judicial rhetoric as an integral part of oratory]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki*, 2009, no. 4, pp. 81–85 (in Russian).
12. Sergeich P. *Iskusstvo rechi na sude* [Art of speech at court]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 395 p. (in Russian).
13. Mel'nikov I. I., Mel'nikov I. I. *Sudebnaya rech': Dlya uchastnikov sudebnykh preniy po ugovolnym delam* [Judicial speech: for participants of judicial debate on criminal cases]. Moscow, EKMOS Publ., 2003. 160 p. (in Russian).
14. Volkov A. A. *Kurs russkoy ritoriki* [The course of Russian rhetoric]. Moscow, Izdatel'stvo khrama svyatoy muchenitsy Tatiyany Publ., 2001. 480 p. (in Russian).
15. Anisimova T. V., Gimpel'son E. G. *Sovremennaya delovaya ritorika: uchebnoye posobiye* [Modern business rhetoric. Training manual]. Moscow, MPSU; Voronezh, MODEK Publ., 2002. 432 p. (in Russian).
16. Volkova T. F., Demidova T. A., Gritsenko L. M. *Ritoricheskiy rechevoy portret publichnoy yazykovoy lichnosti: effektivnost' logicheskoy i psikhologicheskoy storony argumentatsii* [Rhetorical speech portrait of public language identity: effectiveness of logical and psychological sides of argumentation]. *Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyy zhurnal KubGAU) – Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, 2017, no. 132, pp. 592–604 (in Russian).
17. Klimovich O. V. *Yazykovaya lichnost' advokata v kontekste yuridicheskogo diskursa (na material rechey S. A. Andryevskogo i N. P. Karachevskogo). Avto-ref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic personality of a lawyer in the context of legal discourse (on the material of speeches S. A. Andrievsky and N. P. Karachevskogo). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ufa, 2016. 20 p. (in Russian).
18. Kubits G. V. *Professionalizatsiya yazykovoy lichnosti (na primere yuridicheskogo diskursa). Avtofer. dis. kand. filol. nauk* [The professionalization of language personality (on the example of legal discourse). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2005. 19 p. (in Russian).
19. Ipatova I. S. *Yazykovaya lichnost' yurista: vchera, segodnya, zavtra* [Linguistic personality of a lawyer: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchemsya mire: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. N. Novgorod, 5 marta 2016* [State and law in a changing world: materials of scientific-practical conference. N. Novgorod, on March 5]. Nizhny Novgorod, RGUP Publ., 2016 (in Russian).

Volkova T. F., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: tatyana-volkova@bk.ru.